

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Проспект Вернадского, дом 76, г. Москва, 119454
Тел.: (495) 434-00-89 Факс: (495) 434-90-61

11.05.2016 № 163-УНТ

На № _____ от _____

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений

(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

профессор

Е.М. Кожокин

«*» апреля 2016 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации - ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений (университет) Министерства
и иностранных дел Российской Федерации»**

на диссертацию Нагдалиева Хикмета Зейнал Оглы на тему «*Современные особенности экстрадиции в международном праве*», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности «12.00.10 – Международное право. Европейское право». Диссертация подготовлена на кафедре международного права Федерального

государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Одним из необходимых и действенных правовых механизмов эффективного межгосударственного сотрудничества для целей противодействия и раскрытия преступлений, привлечения к ответственности виновных лиц является институт экстрадиции. Данный правовой институт имеет, как известно, долгую историю. Акцент на институте выдачи как на фундаменте, основе международного уголовного права, был сделан в трудах ряда отечественных правоведов¹. Так, по мнению Ф.Ф. Мартенса «в учении о выдаче преступников ...сосредотачивается в настоящее время весь интерес международного уголовного права»².

Применение в межгосударственной практике института экстрадиции влечет позитивные юридические последствия в нескольких сферах. Во-первых, позволяет обеспечить реализацию принципа неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении преступлений; что порождает проявление и превентивной функции института экстрадиции, способствуя тем самым предупреждению и, как следствие, сокращению количества преступлений. Во-вторых, значение данного института проявляется в содействии укреплению международного правопорядка, его совершенствованию. В-третьих, осуществление актов экстрадиции является одним из способов эффективного межгосударственного взаимодействия, результатом слаженного сотрудничества государств по линиям различных ведомств, выполнения договорных обязательств государств.

Указанные причины характеризуют тему диссертационного исследования, представленного Нагдалиевым Х.З., как актуальную, востребованную, оправданно вызвавшую научный интерес соискателя.

¹ Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. – Спб., 1884; Коровин Е.А. История международного права. – М., 1946; Ульяницкий В. Международное право. – Томск, 1911.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Спб., 1905. Т.2, - С. 388.

Цель диссертационного исследования автор видит в комплексном анализе современного состояния института экстрадиции, его новых форм (включая Европейский ордер на арест), возможностей дальнейшего усовершенствования в рамках Евразийского экономического союза.

Структура исследования в целом представляется логичной; диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Название главы I (с. 12–45) соискатель сформулировал так: «Появление и развитие международно-правового регулирования экстрадиции». Историко-правовой акцент здесь объясним: первый раздел докторской диссертации Н.А.Сафарова, защищенной в 2007 г., назван по-другому: «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: сущность, роль и значение экстрадиции». В рецензируемой диссертации Нагдалиев Х.З рассматривает само возникновение правовых идей об экстрадиции, закрепление соответствующих норм на международно-правовом и национальном уровнях. Отмечена роль Гуго Гроция, сформулировавшего принцип «*aut dedere aut punire*» (впоследствии «*aut dedere aut judicare*»). Соискатель Нагдалиев Х.З предлагает свое прочтение таких актов, как Договор царя хеттов Хеттушиля III и египетского фараона Рамзеса II 1296 г. до н.э., договоры киевского князя Олега с Византией 911 и 945 гг., краткая редакция Русской Правды, Соборное Уложение 1649 г., российско-шведские договоры 1557 и 1649 гг., Закон Российской Империи «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» 1911 г., англо-французский Трактат 1303 г., договоры России о выдаче беглецов с Пруссией, Австрией, Саксонией, заключенные в XVIII в., многочисленные двусторонние договоры России с европейскими государствами XIX в., многие другие. Исследование данных документов позволяет соискателю представить этапы становления и развития института экстрадиции, эволюцию его юридического содержания по мере развития международных отношений; прийти к мнению, что «Россия стала первым государством, провозгласившим начало невыдачи политических преступников» (с. 22).

Интерес представляет охарактеризованная автором диссертации роль Франции в развитии института экстрадиции, наглядно проявившаяся в период буржуазной революции. Показана роль Бельгии как первого государства, принявшего национальный закон о выдаче (с. 29).

В диссертации рассмотрена и роль международных институтов – Ассоциации международного права, одобрившей проект конвенции о выдаче преступников (1928 г.), Международной пенитенциарной комиссии, Лиги Наций, предпринявшей попытку унификации уголовного законодательства, в том числе в отношении вопросов выдачи.

В главе II «Особенности международно-правового и законодательного регулирования экстрадиции» (с. 45-118) научное значение имеет рассмотрение соискателем: принципов, на которых основывается осуществление экстрадиции; международно-правовой основы формирования соответствующих норм в качестве института; законодательство Республики Азербайджан по вопросу о выдаче; проблемы защиты прав человека в контексте реализации акта экстрадиции.

Автор, рассматривая особенности правового регулирования института выдачи, обозначил «принципы экстрадиции», относя к ним : принцип «двойной подсудности» («двойного вменения», «двойной криминальности»), принцип «специализации» («конкретности»), принцип взаимности, принцип универсальности, принцип неотвратимости наказания, принцип невыдачи собственных граждан, принцип совершения преступлений на территории страны, к которой обращено требование, принцип освобождения от ответственности за совершение политического преступления, принцип *non bis in idem* (запрет судить дважды за одно и то же преступление), «принцип экстрадиционности преступления», принцип истечения срока давности, принцип ответственности за совершение финансового преступления, принцип отказа в выдаче по гуманным соображениям (с.45-73).

Исследуя существующие международные договоры, предусматривающие положения о выдаче, соискателем приводятся как

универсальные международные договоры, так и региональные. К первой группе отнесены договоры двух типов – те, цель которых направлена на борьбу с определенными видами преступлений, где вопрос о выдаче является частью более общего вопроса (Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция по борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г., другие) и те, которые предметно нацелены на регулирование института экстрадиции (Типовой договор о выдаче 1990 г.). Вторая группа актов – региональные международные договоры, заключенные в рамках Совета Европы (Европейская конвенция о выдаче 1957 г.), Лиги арабских государств (Конвенция ЛАГ о выдаче 1952 г.), СНГ (Конвенция о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.), ОАГ (Межамериканская конвенция о выдаче 1981 г.), ряд других.

Применительно к вопросу защиты и уважения прав человека в контексте осуществления экстрадиции автор ставит вопрос о необходимости поиска оптимального баланса между необходимостью межгосударственного сотрудничества, в том числе и для целей привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в совершении преступных деяний, и соблюдению прав человека, которыми он наделен в соответствии с нормами международного права и национального законодательства (с. 104, 108). Обозначается сложность, возникающая вследствие возможной коллизии договорных обязательств у государства: с одной стороны – по многосторонней конвенции или двустороннему договору – осуществить выдачу (при решении не осуществлять уголовное преследование на своей территории); и, с другой, не допустить нарушения или ущемления прав экстрадируемого лица, взятых на себя в соответствии с Пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Пактом о социальных, экономических и культурных правах 1966 г., ряда других договоров. Для подтверждения своих доводов соискатель приводит обзор практики Европейского суда по правам человека, который в ряде

решений указывал на нарушения государствами прав человека по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., явившихся прямым следствием акта выдачи лица другому государству.

Интересно с научной точки зрения изложение в диссертации вопроса о юридической квалификации действий по поимке лица властями государства на территории другого государства. Наиболее яркий пример – дело А.Эйхмана; примечательны приведенные соискателем и другие похожие случаи насильственного похищения, иных противоправных действий.

В главе III «Европейский ордер на арест как новая форма экстрадиции в рамках Европейского Союза и перспективы регулирования экстрадиции в рамках Евразийского экономического союза» (с.118-169) соискатель исследует обстоятельства, вызвавшие необходимость принятия нового подхода в решении вопросов, связанных с экстрадицией. Соискатель делает акцент на Тамперском саммите 1999 г., который стимулировал реформирование существующего правового режима экстрадиции среди европейских стран. Выявляются и анализируются автором различия в процедуре выдачи лица другому государству и передачи лица органу международной уголовной юстиции. Подобного рода обязательства государств образуют собой схему горизонтальных (в случае выдачи) и вертикальных (при передаче лица) правоотношений государства. Приводятся примеры доктринальных суждений о различии указанных двух процедур.

Заслуживает похвалы то, что соискатель привлекает внимание, в контексте темы диссертации, к правовым механизмам Евразийского экономического союза, договор о создании которого вступил в силу 1 января 2015 г. Соискатель полагает «наиболее оптимальным решением для целей усовершенствования и упрощения процедуры экстрадиции ... принятие особого документа в рамках ЕАЭС, например, «Соглашения о единых правилах выдачи лиц из одного государства-участника Евразийского

экономического союза в другое» (с. 166). Автор делает свои предложения по формулировке некоторых ключевых положений данного документа.

В Заключении соискатель обобщает научные выводы, достигнутые в ходе исследования (с. 169-173), которые соотносятся с положениями, выносимыми на защиту.

Оформление диссертационного исследования и автореферата соответствует установленным требованиям. Научные положения отражены в публикациях, пять из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Автореферат соответствует содержанию диссертации. В работе использован широкий спектр источников нормативно-правового и доктринального характера на русском и иностранном языках.

В целом, научная работа Нагдалиева Х.З. является самостоятельным, законченным, комплексным исследованием, вносящим вклад в развитие международного права в части международной борьбы с преступностью.

Вместе с тем, представляется, что диссертация не свободна от юридических неточностей, недоработок, а по некоторым констатациям соискателя целесообразны его пояснения диссертационному совету в ходе защиты.

1. В обосновании **новизны** представленной к защите диссертации соискатель указывает, что она состоит, в том числе, «в исследовании действующих универсальных и региональных международных договоров в сфере экстрадиции» (с. 7). Полагаем, что вряд ли корректно было бы предполагать, что ученые, изучавшие данную проблему *до соискателя*, не обращались бы в своих исследованиях к универсальным и региональным международным договорам. Достаточно сослаться на посвященную экстрадиции диссертацию Н.А.Сафарова (2007 г.), чтобы убедиться в том, что уже имело место исследование «действующих универсальных и региональных международных договоров в сфере экстрадиции». Да и сам соискатель приводит в библиографии научные труды других авторов,

опубликованные в 2002, 2003, 2007 и 2008 гг. Т.е. такого рода международные договоры известны предыдущим авторам, ими исследованы.

2. В схожем ключе автор излагает свою оценку имеющихся научных работ, посвященных вопросам выдачи: они «сводились к анализу исторических аспектов формирования института экстрадиции, выявлению ...проблем теории и практики экстрадиции без каких-либо предложений по их решению. Такой подход был связан с тем, что экстрадиция не подвергалась каким-либо реформам с момента своего возникновения» (с. 5). Но при таком понимании правовых норм об экстрадиции возникает вопрос о научной новизне диссертации соискателя, об уместности использования формулировки «современные особенности» в заглавии его диссертационной работы.

3. Не представляется возможным поддержать утверждение соискателя (на с. 5) о том, что: «до настоящего времени не было опубликовано ни одной научной работы с детальным анализом указанного Рамочного решения...» (имеется в виду Решение о европейском ордере на арест). Отметим, что в докторской диссертации Сафарова Н.А. (2007 г., Москва) и в его монографии «Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики» (М., Волтерс Клувер, 2005) вопрос о Европейском ордере на арест подробно исследуется в рамках отдельной главы. Более того, в автореферате докторской диссертации Сафарова Н.А. указано: «В научный оборот впервые вводится концепция нового юридического инструмента - европейского ордера на арест, заменившего формальную процедуру экстрадиции механизмом передачи обвиняемых или осужденных между судебными органами государств-членов Евросоюза, выявляются общие черты и основные различия процедур экстрадиции и передачи лиц согласно европейскому ордере на арест» (п. 12).

4. Полагаем возможным не согласиться с тем, что положения пункта 5, выносимого на защиту, является личным вкладом соискателя в науку. Сравнительный анализ докторской диссертации Сафарова Н.А. с

рассматриваемой работой показывает тождественность в юридическом смысле положений, сформулированных Нагдалиевым Х.З., с пунктами 4 и 6, выносимыми на защиту в указанной диссертации Сафарова Н.А.

5. В положении 3, выносимом на защиту, автор указывает, что «принцип «aut dedere aut judicare» (либо выдай либо суди) не является императивной нормой *jus cogens*. В большинстве ...договоров, специальных законов о выдаче рассматриваемый принцип раскрывается не как обязанность, а как право государства судить преступника в соответствии со своим национальным законодательством в случае принятия решения о его невыдаче в другое государство» (с. 8). Прежде всего, следует отметить, исходя из ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., что нормы *jus cogens* представляют собой особую категорию международно-правовых норм; некорректно делать вывод, что если какие-то юридические нормы являются правом государства, но не его обязательством, то, лишь в силу этого, данные юридические нормы не являются или являются нормами *jus cogens*.

Далее, применительно к содержательному аспекту этой констатации соискателя; он не включил в свою работу решение Международного Суда ООН по делу Бельгии против Сенегала («Вопросы, связанные с обязательством осуществлять судебное преследование или выдать «aut dedere aut judicare»») (I.C.J. Reports. 2012). Между тем, данное судебное дело непосредственно связано с темой диссертационного исследования. Более того, это решение Международного Суда опровергает тезис соискателя о том, что принцип «aut dedere aut judicare» является правом государства, но не его обязанностью. В решении, в частности, указано, что Сенегал, не осуществляя уголовное преследование и отказывая Бельгии в выдаче лица, *нарушил положения конкретной Конвенции*. Поскольку соискатель придерживается позиции, отличной от той, что занял Международный Суд ООН, было бы полезно, чтобы в процессе защиты соискатель привел доводы, в чем ошибся «высший судебный орган Объединенных Наций».

6. В §1 Главы 2 и в положении 2, выносимом на защиту, соискатель уделяет внимание неким «принципам экстрадиции», определяя их как основу данного института. Сюда отнесены принцип «двойной подсудности», принцип «специализации», принцип взаимности, множество других. Но все ли эти приведенные соискателем положения являются «принципами»? Есть ли в международном праве «принцип невыдачи собственных граждан», о котором пишет соискатель? Или же речь идет об *особенностях национально-правового регулирования* соответствующих отношений? Весьма странно также утверждение о том, что институт экстрадиции основан на «принципе экстрадиционности». Видимо, пояснения соискателя по этим вопросам диссертационному совету были бы целесообразны.

7. Вызывает удивление то, что в диссертации не представлены и не исследованы материалы Комиссии международного права ООН, подготовленные в рамках темы «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)». Автор лишь ограничивается констатацией того факта, что обсуждение данной темы «стоит на повестке дня Комиссии международного права с 2004 г.» (с. 34), делая из этого вывод, что норма «*aut dedere aut judicare*» «таким образом, может быть признана в качестве обычной нормы международного уголовного права» (с. 35-36). Между тем материалы Комиссии, которая занималась этой проблемой с 2004 по 2014 г., достаточно обширны, содержательны и были бы, несомненно, для диссертационного исследования полезны. Достаточно отметить то обстоятельство, что Комиссия предметно рассмотрела вопрос о том, является ли обязательство «*aut dedere aut judicare*» нормой обычного права (Док. ООН: А/69/10).

8. Дискуссионной является позиция соискателя о квалификации «примеров судебных решений по вопросам экстрадиции в качестве источника международного права» (с. 42). В данном контексте автор ссылается, в частности, на «решения национальных судов». Между тем, преобладающее мнение в международно-правовой доктрине, как известно,

состоит в том, что решения национальных судов не являются источником международного права; для иного мнения нет оснований, по смыслу п.1 d) ст. 38 Статута Международного Суда ООН.

9. Не отвечает требованию юридической чистоты и следующее утверждение соискателя на с. 62: «хотя конвенции представляют собой договорное обоснование для этой обязанности («aut dedere aut judicare»), та последовательность, с которой они устанавливают такую обязанность по отношению к международным преступлениям, превращает ее в норму международного обычного права».

10. На с. 51 диссертации соискатель вводит, не поясняя, такой термин, как «экстрадиционное право». Полагаем, что было бы уместно автору предметно пояснить, какое значение он придает этому.

11. По тексту диссертации, в том числе и в положениях, выносимых на защиту, соискатель неоднократно использует в отношении лица, подлежащего выдаче, термины «преступник» (с. 7, 8, 114), «лицо, совершившее преступление» (с. 9, 46), «лицо, скрывающееся от правосудия» (с. 51, 52, 61). Между тем, экстрадиция предполагает не только выдачу осужденного лица *для исполнения наказания*, но и выдачу лица *для целей судебного преследования*; в этом случае предполагается, что его вина в совершении преступления *пока не установлена*. Соискатель и сам приходит к такому выводу, правда, лишь к середине работы - на с. 116, где допускает, что причастность лица к преступлению должна быть еще доказана.

12. Соискатель неоднократно использует в диссертации термины «договоры», «соглашения», «конвенции» через союз «и», давая повод к выводу о том, что для соискателя эти понятия не являются тождественными с точки зрения международного права: «договоры и конвенции» (с. 4), «в договорах, соглашениях и конвенциях» (с. 33), «нормы конвенций и договоров» (с. 42). Между тем, такой подход не согласуется с п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

13. На с. 70 диссертации соискатель утверждает, что согласно Закону Республики Азербайджан «О выдаче лиц, совершивших преступления (экстрадиции)» 2001 г., лицо не подлежит экстрадиции за «преступления против человечества, предусмотренные Генеральной Ассамблеей ООН в Конвенции «О предотвращении преступления, связанного с геноцидом, и его наказании»» (с. 70). Данное название документа ООН, хоть и действительно зафиксированное в Законе, не является правильным.

14. Существенным недостатком работы является систематическое отсутствие ссылок на цитируемые документы, решения судов, доктринальные воззрения (с. 53, 54, 55, 59, 68, 69, 110, 113). Соискатель часто приводит цитату того или иного автора, оставляя читателю задачу самому выяснить, когда и в каком научном труде эта позиция была выражена.

15. В работе небрежно оформлены сноски (с. 61, 71, 105). И в целом работа оформлена стилистически небрежно; несколько примеров из текста диссертации: «соглашения принимают форму соглашения» (с. 74); «такие препятствия, как поднятые на национальном уровне интересы отдельных государств» (с. 89); «институт экстрадиции не защищен от воздействия этой отрасли» (с. 108); «сотрудничество государств забывает или отказывается принимать одну истину» (с. 116).

Несмотря на отмеченные замечания, в целом по итогам анализа работы и ее обсуждения в ведущей организации сделан благоприятный для ее автора вывод. Диссертация Нагдалиева Хикмета Зейнал Оглы по теме «*Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве*» представляет собой целостную научно-квалификационную работу, в которой решены задачи, имеющие существенное значение для науки и практики международного права. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических

присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 — Международное право; Европейское право.

Проект отзыва подготовлен кандидатом юридических наук, профессором кафедры международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Чрезвычайным и Полномочным Посланником Кулебякиным Вячеславом Николаевичем (специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право) и кандидатом юридических наук, доцентом кафедры международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» Скуратовой Александрой Юрьевной (специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право). После обсуждения текста и его уточнения отзыв одобрен на заседании кафедры международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» «21» апреля 2016 г., протокол № 6.

Заведующий кафедрой международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право),

докт. юрид. наук, профессор

Вылегжанин А.Н.

Тел. +7 (495) 4349440, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. Интернет-сайт: <http://www.mgimo.ru/>. Эл. почта: ilc48@mail.ru

Приемная инспектора
по научной работе
Вх. № 2434
«11» мая 2016 г.

УПРАВЛЕНИЕ
НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ
Вх. № 163
«11» 05 2016 г.

Начальник Управления научной политики

П.И. Касаткина
«11» 05 2016 г.